

СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РАЗДЕЛ 2.

СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖУРНАЛИСТ И ИНФОРМАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Михаил Погорелый,
Национальный институт прессы

Почему в Британии между ведомствами и журналистами существуют доверительные отношения, а в России нет?

Прежде всего я хотел бы напомнить всем присутствующим о существовании в каждом уважающем себя ведомстве специальных подразделений по связям с общественностью. И было бы чрезвычайно интересно проанализировать те критерии, которыми должны руководствоваться эти ведомственные люди, которые должны вроде бы как от имени Министерств общаться с журналистами и предоставлять им информацию. Должны ли это быть ведомственные критерии, или мы должны разработать некий информационный стандарт, который может быть прописан в национальном масштабе, если речь идет о государственном министерстве и ведомстве.

Дело в том, что, хотим мы этого или не хотим, журналист – это в, общем–то, не должность, не профессия, это образ жизни, это образ мышления, это образ действий человека, который посвящает себя тому, чтобы собирать, как пчела, информацию и нести обществу этот нектар. И исходя из этого я полагаю, что дадут журналисту информацию или нет, он ее все равно добудет любым способом и огласит. Другое дело, насколько она будет при этом правдива, насколько будет соответствовать действительности. Если журналист не получает правдивой информации, он начинает придумывать и может раздуть еще большую сенсацию, чем была проблема на самом деле. И истории, которые за последние годы происходили на наших глазах в России – тому подтверждение. Мы можем смело сказать сейчас, что длившаяся более года информационная война против Павла Сергеевича Грачева в связи с пресловутым "мерседесом", как сейчас оказывается, ничего не стоила, так как это был не его собственный автомобиль, а служебный, а что происходит сегодня со служебными машинами – сами знаете.

Сейчас всплывают многомиллиардные дела, а некоторые еще не всплыли, как я подозреваю, касающиеся имущества Западной группы войск и связанных с этой проблемой инвестиционных компаний, банков и т.д. Вот за такой дымовой завесой происходит много того, от чего отвлекают внимание общественности и журналистов.

Вернемся к исходной позиции о роли и задачах информационных служб, как они представляются лично мне. Я изучал опыт деятельности этих структур в некоторых странах. Английский вариант мне показался самым перспективным, американский – близок к нашему и такой же малоперспективный. Чем интересен британский опыт? Его квинтэссенция заключается в фразе, которую господин Казаков выдал вначале: взаимная ответственность. Ответственность журналистов и ответственность ведомства, в частности, Министерства обороны Великобритании. Журналисты, которые освещают военную тематику, оборонные проблемы Великобритании, – на всю страну с населением более 55 миллионов человек таких журналистов насчитывается

приблизительно 18 – 20 человек. Так или иначе любой, конечно, может коснуться походя военных вопросов или оборонной политики, бывают кампании по обсуждению военных действий или каких-то глобальных вопросов, но постоянно специализируются в этой области 18–20 британских журналистов. Они не просто гости – это люди, которые в Минобороны заходят как на работу, они получают не брифинги (в нашем понимании как инструктажи), а получают информацию, т.е. первоисточник.

Например, есть документ – в Великобритании он называется "Белая книга", т.е. то, что у нас Дума пока безуспешно пытается выбить из министерств и ведомств, в том числе и из Министерства обороны – раскрытый бюджет по горизонтали, по вертикали на год: по видам, по целям, по задачам, по вооружениям, по срокам, по географическим объектам, по компаниям, которые будут генеральными субподрядчиками и т.д. Журналисты получают эту книгу за месяц до того, как она пойдет в британский парламент, эта книга имеет гриф "совершенно секретно". Никаких расписок журналисты не дают, поскольку действует система взаимной ответственности, взаимного доверия. Для чего это делается? Журналист внимательно изучает этот толстый труд – там более 100 страниц – для того, чтобы когда предложения по бюджету утратят степень секретности, т.е. будут вынесены на обсуждение в парламент, журналист мог задать умные вопросы – чтобы он уже знал, где болевые точки, о чем нужно спрашивать, чтобы можно было предварительно проконсультироваться по тем или иным направлениям у экспертов.

Повторю, никто расписки не берет. Любой журналист может эту книгу опубликовать, законодательством это в принципе не запрещено. (Так же, как и нашим, кстати сказать. Ибо гостайну у нас, согласно трактовке закона, может разгласить только человек, которому она доверена по службе. Я, поскольку не являюсь таковым, могу просто взять и напечатать любой секретный приказ. Ответственности за разглашение тайны у нас пока нет. Хорошо это или нет – это дело другое.) Но с этим журналистом и этим СМИ больше в Великобритании никто работать не будет. Такие случаи и прецеденты были. Что происходит в России? Я знаю случаи, когда в серьезных, солидных печатных изданиях появляются тексты, которые до последнего примечания – не знаю уж из-за дотошности или недомыслия журналистов – воспроизводят секретные государственные документы: приказа, директивы – что угодно, хотя все то же самое можно изложить своими словами, со ссылкой на источник или без этого. Это можно делать умно, сознавая свою ответственность и сознавая то, что эти отношения, которые не регулируются сейчас законодательством, строятся на базе взаимного доверия и ответственности. В противном случае, даже когда журналисту, как говорится, "ничего не будет", серьезно страдает источник информации.

Здесь не столько надо говорить о законодательстве, сколько о выработке кодекса профессиональной этики журналиста, о котором разговоры идут не один десяток лет. Причем это должен быть кодекс не отдельного издания, а документ, регулирующий действия любого члена профессионального сообщества. Некоторые газеты, скажем, газета "Труд" или "Известия" имеют свой кодекс журналистской этики, а другие нет. Получается, что если я не являюсь журналистом "Труда" или "Известий", то смело могу наплеватьски относиться к своим профессиональным обязанностям и ссылаться при этом на то, что у меня свой взгляд на профессиональную этику.

И еще, я думаю, нужно все-таки журналистскому цеху определиться в своих нравственных устоях: покупать информацию или не покупать, когда вам ее продают? Что важнее: опубликовать сегодня сенсацию, или ее не публиковать сегодня, а выжать из госорганов, чтобы ее завтра давали бесплатно? Принципиальные подходы – они не единообразны в мире. Японские журналисты покупают информацию. Они платят очень дорого, и у них всегда есть документ-первоисточник. Англичане и американцы предпочитают действовать в зависимости от конкретной ситуации. Есть средства

массовой информации, которые никогда принципиально не платят за информацию. Российским журналистам тоже нужно определиться в этих вопросах. Это первый круг проблем.

Есть и другой круг проблем, нерешенность которых мешает установлению режима доверительных отношений между журналистами и ведомствами. Я имею в виду противоречие между основными законами и ведомственными подзаконными актами. С одной стороны, существует законодательство, определяющее ответственность государственных органов за предоставление информации: Указы Президента, Закон о гостайне, в котором есть перечень, ведомств, являющихся собственниками информации и т.д. Но реальная практика живет совсем по другим законам.

Возьмем Закон о гостайне. В этом законе определено, что собственником, кажем, военной информации, является Министерство обороны. Обращаемся за информацией в Минобороны. В Минобороны, помимо этого закона, существует толстенная пачка подзаконных актов. И оказывается, что Конституцию страны запросто перевешивает какая-нибудь ведомственная инструкция или приказ Министра обороны, в котором в перечень сведений, не подлежащих оглашению в средствах массовой информации, включены: а) сведения о ракетно-космическом щите Родины, б) сведения о ядерном потенциале нашей страны, и так далее, а затем маленьким пунктом: а также любые другие сведения, могущие нанести ущерб обороноспособности советского государства.

Один этот пункт делает абсолютно ненужным и всю эту толстую инструкцию, и закон, и т.д., ибо в "любые другие сведения" можно вложить все что угодно, что на практике и происходит.

Мне кажется, надо обратить внимание именно на эти ведомственные приказы и инструкции, которые полностью выхолащивают нормальные, в общем-то законы. Может быть, в ходе разработки пакета документов по военной реформе надо четко прописать и систему работы военного ведомства с общественностью, с прессой, то есть определить статус, права и обязанности управления информации и по связям с общественностью. На моей памяти это ведомство реформировалось четыре, пять или шесть раз, одни и те же люди постоянно меняют телефоны, т.е. их просто вычислить невозможно, не говоря уже о том, что выбить какую-то информацию.

Люди, которым информация попадает в руки, зачастую себя считают ее собственниками, несмотря на то, что в законе написано, какое конкретно ведомство – Минатом, Минобороны, Российское космическое агентство и т.д. – является собственником той или иной информации. На практике же чиновники, в чьи руки попадает эта информация, считают себя собственниками и продают ее – архивную информацию, текущую информацию. Опять-таки, речь не идет о тайне, речь идет об открытой, нормальной информации, которую ведомства не дают, а продают, предпочтительно за валюту...Но об этом я уже говорил.

И третий круг вопросов связан с ролью и значением информационных служб.

Принято считать что, скажем, Татьяна Самолис – она может больше информации выдать, или четче, быстрее отреагировать. С другой стороны, когда ушла Елена Агапова и пришел другой пресс-секретарь – выяснилось, что при Агаповой можно было работать. Полковник Баранец когда работал, оказывается, сидел, смотрел в окно и думал, как Президента убрать, вместо того, чтобы думать, как обеспечить работу журналистам. Он накопил себе информацию и на 2000 страниц книгу написал... Спрашивается, должен ли он получать деньги налогоплательщиков?

Еще один аспект этой проблемы. Иногда информационное самодурство начальников никак не фиксируется в документах. Например как только новый демократический

министр обороны приступил к работе, он вызвал к себе редактора одного военного издания и говорит: ни одного плохого слова о Президенте, премьерe, министерствах, министерстве обороны в частности, генералах, о неплатежах и т.д. Выбор для военных журналистов в принципе есть: об армии можно писать две вещи, что в армии все хорошо или что в армии все очень хорошо. Нигде ни на одной бумажке это требование не зафиксировано. Но можете раскрыть наши военные средства массовой информации и посмотреть – эффективно это или нет.

На мой взгляд, деятельность, права и обязанности информационных служб всех государственных ведомств должны быть единообразны и не должны зависеть от характера и настроения ни руководителя ведомства, ни сотрудников информационных служб. Должен быть принят специальный документ: распоряжение премьера или Президента, который был бы достаточно эффективным и действовал в нужном направлении.

Реплика из зала: Господин Погорелый совершенно верно заметил, что в любой области журналистики существует некая немногочисленная и очень замкнутая "каста" журналистов–профессионалов, которые, в большинстве случаев имеют гораздо большие возможности доступа к информации по сравнению с остальными журналистами и тем более с простыми людьми. В этом смысле уместно будет разделить проблему доступа к информации на два уровня: общедоступный и доступный только избранным.

Действительно, те восемнадцать–двадцать британских журналистов, освещающих оборонные проблемы Великобритании, которые, как сказал господин Погорелый, "приходят в Минобороны как на работу" не могут не пользоваться особым доверием чиновников этого ведомства: они много лет проработали в этой области, хорошие профессионалы, а значит не допустят ошибок, характерных для дилетантов и т.д. Но у этого доверия есть и другая сторона: чиновники знают, чего ждать от этих журналистов и дают им информацию не только потому, что они вообще хорошо пишут статьи на эту тему, но и потому, что они пишут так, как надо Министерству обороны. Непояльные к этому ведомству журналисты в число "избранных" попасть заведомо не могут.

Примеры образования таких профессиональных групп есть не только в Великобритании, но и в России. Недавно была создана Гильдия судебных репортеров. Причем на ее учредительной конференции, помимо журналистов, давно пишущих на судебную тематику, присутствовали представители Высшего арбитражного суда, Верховного суда, Конституционного суда, Прокуратуры, спецслужб и т.д. Все они говорили: "Давайте сотрудничать. Вы грамотно пишете, мы – даем любую интересную информацию, даем в первую очередь вам". Но нет гарантии того, что в обмен на интересную, "эксклюзивную" информацию они не потребуют соответствующего тона будущих публикаций.

Повлиять на общение должностных лиц и их доверенных журналистов на законодательном уровне практически невозможно. Если чиновник захочет передать журналисту ту или иную конфиденциальную информацию, он ее всегда передаст и наоборот.

Поэтому особенно важно законодательно разрабатывать вопросы доступа к информации обычных журналистов или граждан "с улицы", чтобы чиновник не мог произвольно выбирать, кому и на каких условиях давать или не давать информацию.